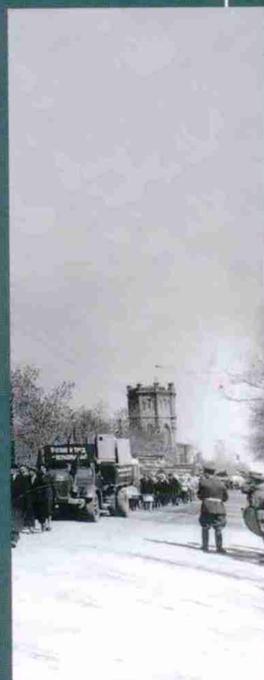
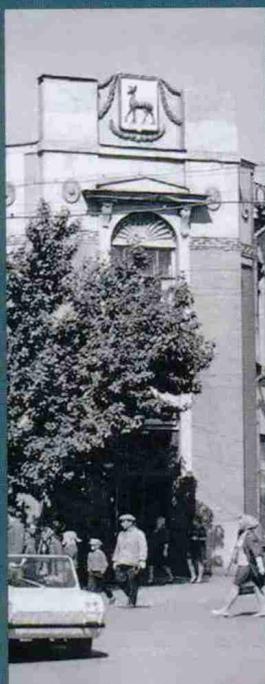

Op0(-2Буз)
Б90
А-410769

БУЗУЛУК

первой половины XX века
В ВОСПОМИНАНИЯХ

OpO(-2By3)
Б90

К 70-летию Бузулукского краеведческого музея

Soroka1736.ru
ГЕНЕАЛОГИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

БУЗУЛУКСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

OpO(-2By3)
+ Op63.31

63.3(2Poc-4Ope-2By3)61

БУЗУЛУК
первой половины XX века
В ВОСПОМИНАНИЯХ

а-410769

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Екатеринбург
2024

EP

*Пётр Лукьянович Кузячкин со своим товарищем
Юрием Валентиновичем Лукьяновым*

Пётр Лукьянович КУЗЯЧКИН

Родился 1 июля 1927 года в селе Ивановка Андреевской волости Бузулукского уезда (сейчас — село в Курманаевском районе Оренбургской области). С 1930 по 1982 год проживал в Бузулуке.

В 1949 году, будучи студентом медицинской школы, Пётр Кузячкин был репрессирован за участие в студенческой антисталинской организации Бузулука. Находился в заключении 14 месяцев в Озёрном лагере Иркутской области. Реабилитирован.

Окончил факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института. Работал учителем английского языка в школе № 6 города Бузулука до выхода на пенсию 11 ноября 1979 года.

Писал стихи, которые публиковались в местной газете «Под знаменем Ленина». В 1955–1956 годах работал научным сотрудником Бузулукского краеведческого музея.

В 1984 году переехал в Москву, где продолжил литературную деятельность. Автор воспоминаний «Сны моей жизни» в прозе и двух сборников стихотворений.

Соавтор книг «Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны» и «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Россия — по дорогам фанатизма и мученичества)», изданных в Москве и Санкт-Петербурге при содействии Международного общества прав человека.

Скончался 13 августа 2000 года в Москве.

СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

I. СНЫ НЕВЕДЕНИЯ

Детство... Нет ничего дороже и прекраснее у человека, чем воспоминания детства. Когда всё так занимательно, так влекуще. Как яркокрасками, как богат ароматами окружающий мир! Как остры, как глубоки восприятия неискушённой души, инстинктивно сознающей своё единство с этим сверкающим разнообразием живущего: цветущего, порхающего, плавающего.

Как велики в нас силы жизни, толкающие нас в стремительный бег, который сродни полёту! Как реальны, как причудливы сны, выходя из которых или хохочешь, или рыдаешь, и долго ещё плещет в тебе или беспричинная радость, или не менее беспричинное огорчение. А как вытягивается время! Минута кажется часом, час — днём, день — месяцем, а месяц — годом. Да, столько откладывается в душе новых впечатлений, что они как бы растягивают время. Детство — это заря человеческой жизни, когда нам ещё только предстоит пройти по тернистому пути познания, усыпанному камнями страданий, разбивая и рая свои босые души и очищая их от шлаков незнания, врождённого эгоизма, от шлаков страстей и пристрастий, трудно и медленно продвигаясь к познанию Истины.

Когда нам предстоит развить свою душу из почти точечного состояния до размеров, способных объять всю Вселенную.

Родился я в небольшой деревеньке Ивановке Андреевского района Оренбургской области в 1927 году в большой крестьянской семье, состоявшей из двух дедов, отца, матери, тёти Поли (младшей сестры мамы) и нас, пятерых братьев. Дедов я не помню, как и деревни, так как деды умерли прежде, чем у меня появилась память, а из деревни мы выехали в город Бузулук в 1930 году.

Первые мои воспоминания и связаны с этой поездкой. Они неотчётливы и смутны. Помню сумерки и неистовый лай собак. Это мы подъезжали к деревне, где устроились на ночлег. Вторая картина более

яркая — когда мы подъехали к своему дому и тётя Поля, моя любимая няня, поймала меня в свои объятия, когда я соскользнул с воза сена, и безмерная радость встречи охватила меня.

Бузулук — небольшой районный городок с населением в 40 тысяч — был основан при Екатерине II в 1736 году, у слияния трёх речек — Бузулука, Самары и Домашки, в 200 км от города Уральска, в 240 км от Оренбурга и в 170 км от Самары. Речки были полноводные и рыбные, а Самара — даже судоходной.

Во времена пугачёвщины один из его сотников — Арапов — захватил крепость, кое-кого повесил, пображничал несколько дней и был таков. Город был купеческий и богобоязненный, со множеством православных церквей, и даже был один польский костёл.

С востока вдоль реки Самарки тянется гряда холмов (Сухореченские горы по-местному), отроги Общего Сырта. Между холмов располагался мужской монастырь. Горы были голые, т. к. на глубине полуметра шла известковая плита и лес не рос.

Зато было две пещеры: монастырская, в недрах которой были действующий храм и кельи монахов-затворников, и Атаманская. По преданиям, там обитала шайка разбойников. Помню, мы ещё лазили раз в неё через узенький ход, который вёл в огромный зал, где было множество летучих мышей.

На восточной окраине города стоял женский монастырь с несколькими церквями, высоченной колокольней и примыкающим к нему городским кладбищем, обнесённым красивой кирпичной стеной. Кладбище делилось на три части: татарскую, польскую и православную. На польской части стоял костёл, а на православной — кладбищенская церковь. На кладбищах было много склепов с мраморными памятниками и надписями из Библии. Я до сих пор помню памятник из белого мрамора в виде кафедры, на которой лежит развёрнутая Библия, и на ней надпись: «Прийдите ко мне все жаждущие и страждущие, и аз успокою вы».

Город назван по реке, которая имеет название татарского происхождения, от слова «базавлук», что значит телячий загон. Когда-то в это пространство, ограниченное с трёх сторон реками, стогнали огромные стада скота на годовые ярмарки. А рядом с Чемодуровским мельзаводом стояло множество хлебных амбаров, куда завозился хлеб со всего уезда и где шла торговля.

В Гражданскую анархист Сапожков взял город после трёх залпов орудий. Снаряды разорвались на городском кладбище, где до наших дней остались воронки, в которых мы в детстве играли и в казаки-разбойники, и в белых и красных, и в другие мирные игры: лапту, футбол, шар, дубину, чижа и др.

После Гражданской войны началось разрушение храмов и монастырей, разрушение многовековой русской культуры, нравственных основ

1 У Зои Александровны Архангельской (Кротковой) был старший брат Александр Александрович. Он родился в Бузулуке 11 июля 1876 года. В 1898 году с дипломом первой степени окончил юридический факультет Московского университета, затем Московское военное училище, откуда в 1900 году был выпущен в чине подпоручика. После службы в Астраханском гренадерском полку (дислоцированном в Москве) вышел в отставку и стал юристом. Служил судебным следователем в селе Большая Глушица Николаевского уезда Самарской губернии, затем частным поверенным (адвокатом) в Бузулуке. С началом Первой мировой войны был мобилизован и служил командиром роты 254-й пешей Самарской дружины Государственного ополчения. Имел боевые награды: орден Св. Анны VI степени с надписью «за храбрость» и орден Св. Станислава III степени (за отличную усердную службу и труды, понесенные во время военных действий). Войну закончил в чине штабс-капитана и затем жил в Бузулуке. Мы не знаем, чем он занимался последующие 20 лет, были ли у него жена и дети. В 1937 году он служил кассиром Бузулукской районной строительной конторы. 25 октября 1937 года «тройкой» при УНКВД по Оренбургской области был приговорён к расстрелу, реабилитирован 28 сентября 1989 года.

народа, которые уже были здорово расшатаны призывами к насилию и грабежу, лозунгами типа: «Грабь награбленное!» и братоубийственной войной.

Ведь почти все памятники искусства, великие творения древних зодчих и скульпторов, все лучшие шедевры живописи — «Явление Христа народу», все Мадонны и иконы Рублёва — в общем, всё, что нами воспринимается как образец красоты и совершенства, связано с религией, верой и её обрядностью. Всё эстетическое, всё нравственное в человеке — милосердие, любовь к ближнему, уважение к законам — воспитано в нём религией, верой в бессмертие его души, в высшую правоту и справедливость Творца.

Первым пал польский костёл. На месте его и до сих пор зияет полузасыпанная яма. С привокзальной церкви сняли купола и сделали в ней клуб, сейчас там ДСШ. Никольскую церковь и церковь на старой базарной площади просто развалили, мобилизовав для этого комсомол. Женский монастырь сделали сначала свинарником, а потом, в годы террора, — городской тюрьмой. В главный монастырский храм завезли дизели и сделали горэлектростанцию, а часть зданий отдали под квартиры и назвали это всё Рабочим городком. Мужской монастырь превратили в колонию малолетних преступников. Пещера уже после войны завалилась и завалила подземную церковь. Петропавловский собор просто закрыли.

Дольше всех держалась маленькая кладбищенская церковь, где отпевали усопших. Почти до начала Великой Отечественной войны, хотя ещё в 30-х годах собирали подписи по домам, чтобы её снести. Так, наверное, и не собрали. Во время войны у церкви стоял часовой. Видимо, там были военные склады. А в 1943 году открыли Петропавловский собор и кладбищенскую церковь. Все изображения на стенах были истыканы штыками. Петропавловский собор снесли уже в 60-х годах и построили кинотеатр «Берёзка». Выжила и действует донныне только кладбищенская церковь.

Начались и гонения на священнослужителей. Мне известно о судьбе только священника Никольской церкви по фамилии Кроткий¹. Его сестра Зоя Александровна Архангельская рассказала мне о нём, что он был арестован и содержался в городской тюрьме. Но однажды у неё не приняли передачу, сообщив, что брат её умер и похоронен на городском кладбище, хотя место захоронения указать отказались.

Помню, в 1931–1932 годах повальным заболеванием была малярия. Мы лежали в кошмарном бреду. Температура поднималась до 40°. Будто горы валились на тебя издалека и превращались вблизи в точку. Болели мой брат Гриша и тётя Поля. Но вот однажды мама дала нам по 50 граммов водки, в которой был растворён хинин. Немало труда пришлось приложить, чтоб заставить нас выпить эту гадость. Но зато болезнь как рукой сняло. Всеобщая акрихинизация превратилась в на-

стоящую кампанию. Акрихин разносили по домам, по производствам, по школам.

В 1932 году бесследно исчез дядя Ваня — сосед, ссыльный поляк по фамилии Есенский. Работал он на дому. Шил сапоги на заказ, а нас, малышей, когда родители уходили из дома, оставляли под его присмотром. Своих детей у него не было, и он любил нас, как своих. Шутил, рассказывал различные прибаутки и кормил нас кашей с «тараканами», т. е. рисовой кашей с изюмом. Однажды ночью его арестовали. И всё. Был человек — и нет его.

Наступал 1933-й — голодный и трагический год. Отец мой работал стрелочником на железной дороге. И жили мы в железнодорожном посёлке, где улицы назывались линиями. Наш дом стоял напротив татарских кладбищ. Беднота кругом была удручающая. Часть домов посёлка была саманная, вторая — срубовая. Особенно выделялись на нашей линии два дома: машинистов Болотина и Хабарова. Высокие, с красивыми наличниками и большими окнами, они, как фрегаты среди утлых лодочек, парили над вросшими в землю землянками и подслеповатыми «собачьими» конурками стрелочников, кондукторов, сцепщиков и другой железнодорожной шушеры, многодетной и низкооплачиваемой.

Наш дом был немаленький, но низковатый, зато усадьба более восьми соток. Во дворе стоял ещё один дом из самана, низенький и длинный. В нём обычно жили квартиранты или его использовали как сеновал. Зарплата у отца была мизерная, а чтобы кормить семью из восьми человек, держали корову, бычка на мясо, пять-шесть овец, иногда и поросёнка. Так же поступали и другие жители, т. к. работа была необходимостью, но она не обеспечивала прожиточный минимум и кормиться нужно было побочным промыслом. Все сажали картошку и держали скотину.

Каждый в семье имел свои обязанности, которые добросовестно выполнял. То идём, бывало, сажать под лопатку картофель, то перевозим накошенную траву, высушивая её в сено, то берём тележку и едем в лес за дровами, то идем на мельзавод собирать не совсем перегоревший шлак, то делаем кизяки из скопившегося за зиму навоза.

В семье² у нас был культ отца, кормильца. Мама не разрешала садиться за стол, пока не сядет отец. И если мы слишком расшалимся и мама была не в силах унять нас, как последний аргумент она бросала: «Скажу отцу!» — и сразу затихал бунт на корабле. Но всего смешнее, что отец ни одного из нас не тронул и пальцем. Хотя, как мы знали, другие лупили своих как сидоровых коз.

Отец мой был добрым и честным человеком. С шести лет остался сиротой. Умерла его мать, а отец его, оставшись с тремя малыми ребятами, с горя запил и был плохим кормильцем. Старшего сына Корнея отдали в приёмные сыновья, Мария умерла, а отца моего отдали

² Семья Кузячкиных переселилась в деревню Ивановку в 1833 году из села Селищи Краснослободского уезда Пензенской губернии. Дед Петра Лукьяновича — Митрофан Алексеевич (1872), бабушка Екатерина Алексеевна (в девичестве Однопырова, 16.11.1873 – 24.07.1898). Лука Митрофанович родился 11 октября 1894 года, скончался в Бузулуке 05.03.1947. Его первая жена Мавра Александровна Козина (1899 – 19.01.1917), вторая — Евгения Трофимовна.

в подпаски к сельскому пастуху. Две зимы ему удалось ходить в школу, и он научился читать и писать. С 14 до 18 лет жил батраком у хозяина, который его и женил. В 1914 году отца взяли на военную службу. Его направили в учебную команду в Перми, которую он успешно окончил в чине старшего унтер-офицера и был оставлен в команде на должности командира взвода. Война затягивалась, и в армию призывались всё более пожилые люди — отцу было стыдно обучать и наказывать бородачей. Он подал рапорт и ушёл на фронт. Попал он в Румынию, под город Черновцы, командиром взвода разведчиков. Заслужил Георгиевский крест, а в конце 1916 года был ранен в левую руку. Долго добирался до госпиталя в городе Бузулуке. Рана загноилась и покраснела. От ампутации отец отказался, и врач Цапкин, на свой страх и риск, стал очищать рану. Извлечено было 22 осколка кости, но руку удалось спасти. Незаметно произошла Февральская революция, а потом и Октябрьская.

Отец вернулся домой и тут узнал, что жена его после родов второго ребёнка — Павла — застудилась и умерла, а дети его у чужих людей.

Тогда отец женился на моей матери. Была она родом из бедной украинской семьи, выехавшей на отруб в Оренбургскую губернию во времена столыпинских реформ.

Население, кстати сказать, в Оренбургской области довольно пёстрое. Есть целый немецкий район Люксембургский, есть Мордово-Боклинский район, населённый мордвой. Кроме того, имеются просто сёла украинские, мордовские, немецкие. Много живёт татар, башкир, казахов. Есть и поляки, чехи, югославы, но их уже меньше, и преимущественно в городах. После войны появились и евреи.

Сразу же образовалась довольно большая семья: два деда, отец, мать, тётя Поля, младшая сестра матери, и два сына — Сергей и Павел. А тут началась Гражданская война. Отец сначала попал в Семёновский кавалерийский полк. Потом, после его расформирования, — в 25-ю Чапаевскую дивизию, которая из города Бузулука вышла на Колчака и под деревней Сухаречкой принимала присягу. В Бузулукском краеведческом музее есть картины, отражающие эти моменты. Домой отец вернулся в 1921 году. Голод был превеликий. Семейство ещё приросло на одного сына — Ивана. Дед Митрофан не вылезал из пруда, спасаясь от изжоги, т. к. резали скот и ели мясо без хлеба, а в воде ему казалось легче.

Напуганные голодом крестьяне сбивались в группы и уезжали на Украину. Называли их беженцами. По пути друг перед другом бежали по деревням выпрашивать что-нибудь съестное. При переправе через Волгу недалеко от Саратова прямо на пароме мама родила ещё одного сына — Григория.

Благо хоть у города Балашова отец встретил одного дальнего родственника, который настоял, чтобы семья осталась зимовать у него. Кое-как перебились зиму на тыкке да на свёкле. А весной благодать — земли обрабатывай сколько сможешь. Никаких ограничений. Тут уж

дорвались жадные до работы крестьянские руки. Тут уж зажили по-настоящему.

Урожаи были отменные. Накупили сельхозинвентаря, развели много скотины. Это называлось НЭПом. Потом стали сбивать людей в коммуны, обобществлять имущество — и весь трудовой энтузиазм рассеялся, как туман. От работы стали отлынивать, скот перестали жалеть, землю обрабатывали плохо, и коммуны разваливались сами собой. Отец вернулся на родину. Поселились в посёлке Ульяновском. Выкопали землянку, отец купил пару шелудивых лошадок, вылечил их и снова занялся земледелием. Но вот началась коллективизация, однако отец, вкусивший уже благ общественного труда, в колхоз не шёл. Ему предложили продать своё хозяйство и убраться с земли, которая отходила колхозу. Вот тогда-то мы и перебрались на жительство в город Бузулук.

О первых удачах и неудачах нового строя социальной справедливости я, конечно, узнал из рассказов отца, а ощущал их своим вечно голодным желудком.

Наступил страшный, голодный 1933 год. Хлеб выдавали по карточкам: 300 граммов на иждивенца и 600 — на рабочую карточку. Два старших брата — Сергей и Павел — завербовались на Камчатку. Мать напекла им на дорогу жмыховых лепёшек — и всё. Как они добрались до места, одному Богу известно, а добирались три месяца.

Тётя Поля, нянечка моя, измученная малярией и постоянным недоеданием, скончалась. Это была первая смерть на моих глазах. Помню заспанную маму с семилитровой лампой в руках, склонившуюся над сестрой, что-то шептавшей. Потом тётя отвернулась к стене, вздохнула и умерла. Все в нашей семье жалели её, потому что любили всей душой за добрый, спокойный характер.

Мы — братья, Ваня, Гриша и я — частенько стояли за хлебом в очереди всю ночь напролёт. А поутру, пробравшись меж ног взрослых к прилавку, получали свой паёк. Играя всю ночь у ларька, мы собирали окурки и учились курить, как взрослые. И в шесть лет я уже курил втяжку и в совершенстве владел уличным жаргоном.

Относительно других мы ещё жили сносно. У нас была корова и был хлопковый жмых, выписанный отцом на корм корове. Но мы его съели сами. Все улицы были засыпаны ракушками. Это жители собирали в реках моллюсков, бросали их в кипяток, они раскрывались, а потом их долго варили, но мясо всё равно было как подмётка — жёсткое и трудно усвояемое.

Однажды у нашего двора упал мужчина от слабости. Набежали женщины. Кто держал ему голову, кто лил ему в рот молоко, но он даже не в силах был сделать глотка и скончался у нас на руках. Отец пошёл и заявил в милицию. Но две недели его не убирала, пока собаки не обгрызли ему уши и нос.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Кузячкин Пётр Лукьянович	
Сны моей жизни	4
Заметки на полях	85
Мельников Василий Петрович	
Моя работа у квакеров в Бузулуке	89
Полонский Киприан Васильевич	
История становления и развития здравоохранения	95
в городе Бузулуке с начала революции 1917 года по 1972 год включительно	
Попов Иван Артемьевич	
Бузулукское учительство в первые годы.....	127
советской власти (1917–1922 гг.)	
Люди Бузулукского общества в первые годы	140
советской власти (1917–1922 гг.)	
Решетников Зосима Михайлович	
Сведения об организации музыкальной школы,	149
государственного хора, художественной студии и прочих культурно-просветительских учреждений в 1918 году	

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.